

Оглавление

Тракорне	6
Дробо.	13
Вессеро	20
Аполлабий.	24
Квалл.	30
Менур	36
Ун-Ку	47
Аворро.	55
Телкро-оквал-зехка-липто	70
Липто.	80
Накмар.	96
Ивви	103
Танкуни	119
Манакум	126
Атрифа.	146
Герс	155
Н. Одомер	174
Трав'нар.	181
Бретус	201
Урес	213
Похра.	235
Канак в Квалл	248

Гален	268
Фрухи	279
В... И... В...	299
Одивали	317
Кхат	336
Райром	345
Барга Дрод	389
Сорммирк	403
Римлег	430
Нокра	439
Эркенон	469
Зерготт	482
Альхазен	516
Сихамур	528
Пирга	559
Крек'х-Па	571
Кипарис	634
Мокудад	645
Ламрех	688
Арцибия	698
Фокис	738
Зараукард	756
Зельда	767
Соморкино Кхат	784

Возможно, жизнь требует расшифровки, как криптограмма.

Андре Бретон

Все слова священны, все пророки истинны, только учти, что они мало разумеют; реши первую половину уравнения, вторую оставь нетронутой. Ты видишь всё в ярком свете, а иные, хоть и не все, — во мраке.

Алистер Кроули

Позднее, в Париже, он больше не рассказывал о некоторых вещах, и только кое-кто из его солдат вспоминал булькающие звуки, долетавшие со стрехи, свист отравленных стрел, бьющих точно в цель, призрачные ночные свечения, а особенно те едва заметные сдвиги в мире, когда на краткий миг он перескакивал в нереальность. Тогда деревья и ленивые речные водовороты вроде бы оставались сами собой, но в то же время чувствовалось, как нечто неведомое лишь притворяется ими.

Даниэль Кельман

Вселенная — это не тесный карман, и действующий в ней порядок не связан неким ограничением у истоков возникновения, по которому в одной части должно повторяться то, что существует в другой. Даже в этом мире больше вещей существует вне нашего сознания, нежели внутри него; и порядок, что мы усматриваем в акте творения, — это порядок, приписанный нами самими; он подобен веревке, протянутой в лабиринте, чтобы не заблудиться. Существование имеет свой собственный порядок, и его не способен постичь ни один человеческий разум, ибо сам разум — лишь одно из множества обстоятельств.

Кормак Маккарти

Тракторне

Холод скапливался в углублениях масляного поддона. Шестерни застучали, словно падающие костяшки домино, и замерли в ожидании. Масло стекало по осям, с каждой каплей предупреждая:

— Вот. Тут. Вот. Тут. Вот. Тут. Вот. Тут...

И вдруг замолкло.

Холод, источаемый маховиком, пополз по коленчатому валу, поднялся по поршням и сгустился в цилиндрах. Мороз напирал всё сильнее. Свечи зажигания позабыли свой навык давать искру, и это беспометство бельмом расплылось по их керамическому покрытию. Клапаны выбились из сил и уже не могли преодолевать сопротивление пружин. Распределительный вал судорожно цеплялся за зубчатый ремень, но ничего не мог поделать. Тишину, отмеряемую стуком густых капель стекающего масла, внезапно взорвал металлический скрежет стартера. Заглох, попробовал запустить мотор снова... И так несколько раз. Безуспешно. Все подвижные элементы двигателя неподвижно застыли. Черный холод поселился в чугуне.

* * *

— И что там?

— Неизвестно.

— Как это? Ты же неделю назад отдал машину в автосервис.

— Да, но мастер разводит руками. Говорит, ничего подобного прежде не видел.

— Он же чинит машины!

- Дело в характере поломки.
- Я в этом не разбираюсь. Он к пятнице починит? Ты же помнишь, что мы едем к родителям?
- Не знаю.
- Чего ты не знаешь?
- Сможет ли он починить.
- Но у родителей юбилей. Будет праздничный обед. Они еще год назад его запланировали!
- Я ничего не могу поделать. На крайний случай есть же поезд.
- Ты с ума сошел?! С четырьмя чемоданами это кошмар!
- Четыре чемодана на два дня?
- Не начинай.
- За окном кухни солнце увязало в перистых листьях акации.
- Он сказал, что это как болезнь и он не знает, как ее остановить.
- Ты о чем?
- Да все о машине.
- Тебя волнуют слова какого-то придурка? Починит — и дело с концом.
- Если починит.
- А почему нет? Что-то заменит, что-то исправит, и все будет хорошо. Ты масло купил?
- Забыл.
- Я же тебе сказала...
- Ну, хорошо, хорошо. Сейчас спущусь в магазин. Заодно выброшу мусор.
- Купи еще молока.
- Ладно.
- И поторопись. Суп стынет.

Но он не вышел.

Остановившись у выхода, посмотрел на ручку двери. От нее исходил отвратительный холод.

* * *

Глухие подводные звуки тонули в полимерном сосуде под неподвижным сферическим сводом, сверкающим, как металлическое зеркало. Слабый сероватый свет пробивался сквозь крышку, но терял при этом столько энергии, что едва достигал темного дна, где хрупкие хлопья известкового налета окружали спираль нагревателя. Из-за пластиковых стенок доносилось нервное потрескивание электрического тока, не достигавшего нагревателя. Что-то в этом ритме перехватывало внешние звуки и меняло их центр тяжести. Вот почему им не удавалось убежать, даже при поднятой крышке.

Чайник изменил свою функцию и теперь, как линза, фокусировал в себе рассеянные звуки, слишком слабые, чтобы их могло уловить человеческое ухо. Так они обретали вес, заставляя дрожать стекло в закрытых кухонных шкафах, а затем тихо расползались по всей квартире.

* * *

— Мам, это всего лишь старый электрический чайник.

— Но я же слышала...

— Но тебе почти восемьдесят! Я не удивлюсь, если ты услышишь шелест ангельских крыльев.

— Не груби, моя дорогая! Слух у меня хороший, и ум за разум еще не зашел!

— Но я же просто пошутила... Мне его снова отнести к пану Зенеку?

— Пан Зенек не починит.

— Починит. Только это старый хлам, который тут же снова сломается. Не лучше ли купить новый?

— Не починит, потому что он не сломан.

— Я четыре раза уже носила. Зачем пану Зенеку нас обманывать, изображая ремонт?

— Потому что у него не так много клиентов.

— Мама, тебе везде мерещатся заговоры!

— Это не теория заговора, это факт.

— Ну что ты говоришь, просто старая вещь просится на пенсию.

— Неправда, он просто не хочет кипятить воду.

— В смысле, не работает.

— В смысле, он делает кое-что другое.

— Что еще может делать чайник?

— Понятия не имею, но это слышно ночью, когда очень тихо. Блуждающие звуки, от которых дрожат стекла и качаются лампы.

— Какие еще звуки, мама?

— Я чувствую их в костях.

— Скорее всего, это у соседей внизу вечеринка.

— Когда чайник в ремонте, ничего не слышно.

— Мама, мне это надоело, я его забираю и завтра привезу тебе новый!

— Не смей!!! Привези новый, но этот оставь мне.

— Зачем?

— Когда я это слышу, то хорошо сплю. Как никогда прежде не спала. И мне нравится это слово, которое повторяют...

— Слово? Ради бога, мама, ты меня начинаешь беспокоить.

— Что-то вроде Тракорне...

* * *

Не вода.

Не влага.

Но холодное дыхание из глубин земли, без труда проникающее сквозь скальные породы, гравий и глинистые слои почвы. Жидкий холод, который, как змея, взбирается вверх, преодолевая силу гравитации. Он просачивается между железобетонными плитами, движется по плотно уложенным кирпичам, по трубам и проводам, прямо под штукатуркой и тонким слоем краски. Он подползает к шуршащему электрическому потоку, заполняющему тонкий металл,— наконец добирается до него, останавливается и терпеливо наслаивает свое присутствие. Он ждет, когда появится черная искра. Затем движется дальше.

Всякий раз, когда проскакивает маслянистая вспышка, лампа над раковиной моргает и гаснет.

* * *

— Что с этой лампой?!

— Дорогая? Что случилось?

— Иди посмотри. В ванной снова перегорела лампочка.

Я не могу накраситься.

— Черт, действительно.

— Черт не починит.

— А чертов электрик?

— Месяц назад он поменял старые кабели и патроны. Сказал, что теперь все должно быть хорошо. У него руки кривые!

— Может, проблема не в кабелях?

— Дорогой, ты гений! Подвинься, я у окна накрашусь.

А ты вкрути новую лампочку.

- Не знаю, есть ли у нас...
- Тогда проверь! Ты еще спишь?
- Господи, что за муха тебя укусила?!
- Ванная без света. Я спешу, уйди с дороги!
- На этих лампочках разориться можно.
- Тоже мне новость.

Он осторожно взял перегоревшую лампочку. Она была на удивление холодной. Ее холод проник в кончики пальцев и пробудил воспоминания, к которым он не любил возвращаться. Когда ему было десять лет, родители решили, что он уже достаточно большой и пора ему научиться наконец преодолевать свои страхи. А потому отныне ему предстояло спускаться в подвал одному. Он не хотел об этом слышать. Он протестовал, пытался вызвать в них жалость, плакал, кричал, бился в истерике, но родители были непреклонны. Они говорили, что каждому когда-нибудь приходится справляться со своим страхом, и от этого не уйти, потому чем скорее это случится, тем лучше. Да, они понимали, что для сына нет места страшнее, чем подвал, но осознанно и намеренно посылали его туда не реже одного раза в неделю. У него не было выбора. Ноги подкашивались, когда он спускался по крутой лестнице. Далее перед ним открывался длинный коридор, конец которого терялся во мраке. Почему-то желтоватый свет нескольких лампочек не мог полностью осветить это пространство. Уходящий вдаль коридор вызывал парализующий холод и ощущение, будто стоит только перестать всматриваться во мрак, стоит только отвернуться, как из глубины кто-нибудь выйдет. Дрожь охватывала все тело, но отворачиваться все же приходилось, чтобы сдвинуть засов на двери в семейную часть подвала и найти там то, о чем просили родители. Он боролся с собой какое-то время, съезжившись под хлипким

зонтиком разумных мыслей, а затем, сумев наконец отвоевать немного пространства, свободного от страха, выполнял поручение и быстро возвращался наверх. На какое-то время его оставляли в покое. Пока снова не приходилось спускаться, и все начиналось сначала.

И хотя теперь он уже не боится спускаться в подвал, он чувствует, как волна иррационального ужаса накатывает на него. Силится уверенность в том, что ему вовсе не казалось, и всякий раз, когда он поворачивал голову, из темного конца коридора действительно выходило нечто.

Всякий раз.

Он отпустил лампочку, в которой клубилась ледяная тьма, сел на край ванны и спрятал лицо в ладонях. Под веками у него мелькали картины. Старый автомобиль, окутанный холодной тишиной подземного гаража; грязные окна, смазывающие вид; пластиковый электрический чайник, вокруг которого крошки хлеба складываются в концентрические круги; оголенные концы электрического кабеля, почерневшие от гуляющего по ним тока. Он также увидел пустые комнаты, цеха, складские помещения и их влажный бетонный пол. Услышал, как по ним блуждает тихий, вихрящийся звук. Обнаружил, что звук этот ему знаком, он даже может повторить его.

— Тракорне,— прошептал он, открывая глаза.

Она стояла в дверях. Она была бледна.

— Что?!

— Ничего. О чем ты?

— Ты напугал меня, я звала, но ты не отвечал. Ты плохо себя чувствуешь? Тебе нездоровится?

— Нет. Скорее всего. Сам не знаю.

— Ты что-то сказал, какое-то странное слово...

Мужчина нахмурился.

— Не помню...

Дробо

Не было никакого характерного щекотания за глазами яблоками, и даже над Линвеногром не поднялись эти знакомые странные облака. Не ощущалось никаких волн живого холода, идущих из глубин земли, хотя именно эти признаки предшествуют большинству проявлений ксуло. Не было блуждающих туманных столбов и огромных угловатых теней, которые порой ложатся на целые кварталы, хотя небо остается совершенно чистым. Не было гудящих раскатов, раздающихся по всему городу. Не было никаких предупреждающих знаков. Был закат. Заходящее солнце полыхало ослепительным багровым сиянием. Свет лился сквозь широкое окно кабинета, и казалось, будто в этом потоке замедляются в полете пылинки. Будто сгущается воздух. Друсс сидел за огромным письменным столом, развалившись в удобном кресле. Он устал. Глядел на кружку, в которой заваривались листья аламы. Этот бодрящий настой должен был поставить его на ноги после долгого рабочего дня на территории. Тонкая струйка пара колыхалась над чашкой. Внезапно, всего на мгновение, она неподвижно застыла, исчезла и тут же вновь начала подниматься, но уже из другого положения, словно на краткий промежуток времени перестала существовать.

Тогда он почувствовал это.

Вспышка и разряд, перескакивающий с камня на камень. По щелям в мостовой. По железным решеткам, выкованным угловатым цветочным узором. По фасадам приземистых зданий. Под тонким слоем краски между бугорками шершавой штукатурки. По гибким корням растений, опутавшим